

MEN AND DESTINY

**A BIOGRAPHICAL AND BIBLIOGRAPHICAL
DICTIONARY OF ORIENTAL SCHOLARS —
VICTIMS OF POLITICAL REPRESSION
DURING THE SOVIET ERA (1917—1991)**

Compiled by
Yaroslav Vassilkov and
Marina Sorokina

St. Petersburg
2003

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

**БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ ВОСТОКОВЕДОВ —
ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРА
В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1917—1991)**

Издание подготовили
Я. В. Васильков и
М. Ю. Сорокина

Санкт-Петербург
2003

УДК 930.1(09)
ББК Т1(7)—1(5)я2

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 01-03-16062д

Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917—1991). — Изд. подготовили Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. — 496 с. (Социальная история отечественной науки о Востоке).

С 69

Биобиблиографический словарь репрессированных востоковедов «Люди и судьбы» — первый в практике отечественной академической науки биобиблиографический справочник, посвященный судьбе представителей отдельной научной дисциплины в условиях тоталитарного общества. Он содержит сведения о 750 ученых и более 200 фотографий. Используются в основном архивные данные. Основные задачи издания — отдать долг памяти погибшим и пострадавшим российским ориенталистам, собрать под одной обложкой нуждающиеся в анализе и обобщениях факты, предложить материал для построения объективной социальной истории востоковедения в советское время, а также посылить содействовать объяснению историками будущего небывалой катастрофы, постигшей в XX веке Россию.

Редактор и корректор — *И. П. Сологуб*
Технический редактор — *М. В. Вялкина*. Выпускающий — *О. И. Трофимова*
Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

ЛР № 065555 от 5.12.97
Подписано в печать 15.05.2003. Формат 70×100 1/16. Гарнитура основного текста «Times»
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 31 печ. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 4329

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 5-85803-225-7

© Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина, составление, 2003

© «Петербургское Востоковедение», 2003

Зарегистрированная торговая марка

От составителей

Биобиблиографический словарь репрессированных востоковедов «Люди и судьбы», открывающий серию «Социальная история российской науки о Востоке», — первый в практике отечественной академической науки справочник, посвященный драматической судьбе представителей отдельной научной дисциплины в условиях советского тоталитарного общества¹.

Смысл этой работы мы видели не только в том, чтобы отдать долг памяти российским ориенталистам, перемолотым жерновами бессмысленного государственного террора, но и в том, чтобы по мере возможности помочь преодолению давящего и стесняющего наследия прошлых десятилетий и способствовать адекватной реконструкции прошлого отечественной науки: напомнить о многообразных формах потерь и деформаций, внести справедливые коррективы в сложившуюся «иерархию имен», собрать под одной обложкой нуждающиеся в анализе и обобщениях факты, дать материал для построения объективной истории востоковедения в советское время. Своего рода сверхзадача настоящего издания — посылить содействовать объяснению историками будущего небывалой катастрофы, постигшей в XX в. Россию (условно можно пока определить произошедшее термином *автогеноцид*). Настоящим словарем мы надеемся не закрыть, а открыть тему социальной истории российского востоковедения; тем более что за время, истекшее с начала перестройки в СССР / России, изучение проблемы взаимодействия и взаимовлияния науки и ее социального контекста получает все более основательное концептуальное и фактологическое оформление.

Инициатором и автором идеи создания настоящего биобиблиографического словаря был известный ленинградский историк Феликс Федорович Перченко (1931—1993), в 1976 г. впервые опубликовавший в историческом альманахе «Память» (под псевдонимом «И. Вознесенский») обширный свод материалов о судьбах отечественных востоковедов в советское время. При деятельной поддержке Анны Михайловны Гришиной (1920—2000)

¹ Наиболее полные систематические справочные сведения о репрессированных ученых представлены в: Возвращенные имена: Сотрудники Академии наук Беларуси, пострадавшие в период сталинских репрессий. Минск, 1992; Репрессированные геологи: Биографические материалы / Сост. Л. П. Беляков, Е. М. Заблоцкий, Л. В. Никольская, Ф. Ф. Перченко (ред.-сост.). СПб., 1992; Перченко Ф. Ф. К истории Академии наук: снова имена и судьбы...: Список репрессированных членов Академии наук // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка / Сост. А. И. Добкин, М. Ю. Сорокина. М.; СПб.: Феникс-Атенеум, 1995. С. 141—210; Трагические судьбы членов АН СССР / Сост. И. Г. Арефьева. М.: Наука, 1995; Косарев В. В. Физтех, ГУЛАГ и обратно: (Белые пятна из истории ленинградского Физтеха) // Чтения памяти А. Ф. Иоффе, 1990. СПб.: Наука, 1993. С. 105—177; Репрессированная наука / Под общ. ред. М. Г. Ярошевского. Вып. 1—2. СПб.: Наука, 1991—1994 и др.; Репрессированные геологи / Гл. ред. В. П. Орлов; отв. редакторы Л. П. Беляков, Е. М. Заблоцкий; редкол.: И. Ф. Глузов и др.; сост. А. И. Баженов и др. 3-е изд., испр. и доп. М.; СПб., 1999, а также на сайте: <http://www.ihst.ru/projects/socialhistory.htm>.

Значительный вклад в изучение проблем социальной истории отечественного востоковедения и вообще гуманитарных наук внесен изданиями: Репрессированные этнографы / Сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. Вып. 1. М., 1999; Решетов А. М. Репрессированная этнография: люди и судьбы // Кунсткамера: Этнографические тетради. Вып. 5/6. СПб., 1994. С. 342—368; Он же. Отдание долга // Этнографическое обозрение. 1995. № 2. С. 40—62; № 3. С. 3—19; № 4. С. 3—24; Слезкин Ю. Советская этнография в нокдаун: 1928—1938 // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 113—125; Формозов А. А. Русские археологи и политические репрессии // Российская археология. 1998. № 3. С. 191—206; Slezkine Ju. The Fall of Soviet Ethnography, 1924—1938 // Current Anthropology. Vol. 32. N 4 (August-October, 1991). P. 476—484 и др.

Ф. Ф. Перченко

Ф. Ф. Перченку вместе с составителями настоящего издания удалось сформировать его первый проект. К сожалению, наши дорогие коллеги не дожили до выхода словаря в свет. Свой многолетний труд над ним мы с благодарностью посвящаем их светлой памяти.

Официальная картина персонального состава востоковедения в советское время хорошо отражена в двухтомном «Биобиблиографическом словаре отечественных востоковедов» С. Д. Милибанд (М.: Наука, 1995), в который, однако, вошли очень немногие из ученых, подвергшихся в советский период репрессиям. В известном смысле настоящий словарь представляет параллель к словарю Милибанд, существенно, а часто кардинально, дополняя, расширяя и корректируя его сведения². Он предлагает принципиально иной подход к комплектованию словника, отвергая «анкетный», чиновно-иерархический принцип, расширяя географические и узко

институциональные профессиональные рамки дисциплины. Так, при определении содержания и объема самого понятия «востоковедение» применительно к отражаемому в словаре хронологическому периоду (1917—1991) мы следовали традиции понимания этого термина, заложенной русским дореволюционным востоковедением и выраженной первым директором Института востоковедения АН СССР академиком С. Ф. Ольденбургом в 1928 г. в одновременно итоговом и программном сборнике «Общественные науки СССР. 1917—1927». Здесь к предмету востоковедения отнесены (помимо, разумеется, изучения классических культур Востока): изучение Татарской республики, коми (зырян), чувашей, башкир, Крыма, Северного Кавказа, Астрахани и Калмыкии, Сибири, Бурят-Монголии, Якутии, Дальнего Востока, Средней Азии и Закавказья³. Подавляющая часть представленных в словаре исследователей активно работали в востоковедении именно в 1920—30-е годы, поэтому использование такого расширительного по сравнению с сегодняшним днем толкования предмета дисциплины представляется исторически оправданным и необходимым.

Другой особенностью словаря является то, что в него вошли исследователи Востока всех периодов — древней, средневековой, новой, новейшей его истории, литературы, языка, культуры в целом, экономики, географии, демографии и т. д. — от студента востоковедного вуза, национального просветителя, священника, дипломата и «красных» организаторов востоковедения до академиков Российской Академии наук / АН СССР. Главными критериями отнесения ученого или практического деятеля к разряду «востоковед» служили по отдельности или в комбинации следующие признаки: наличие востоковедного образования, знание восточных языков, научные работы и организационная работа в области востоковедения.

Работа над настоящим изданием прошла все те несколько этапов, на которые сейчас можно ретроспективно поделить перестроечно-постсоветскую историю изучения государственного террора в СССР. Публикации первого периода, исполненные разоблачительного пафоса, отличались крайней неточностью, в чем была не вина, а беда их авторов: ведь все они основывались на «устной традиции», доступа к архивам МВД и КГБ в ту пору еще, разумеется, не было. В 1990 г. в журнале «Народы Азии и Африки» был опубликован предварительный список репрессированных востоковедов, фактически

² Общая оценка словаря С. Д. Милибанд дана попутно одним из составителей (Я. Васильковым) в рецензии на книгу: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. Том I: Императорская Публичная библиотека. 1795—1917. Изд-во РНБ, 1995 // ПВ. 8. 1996. С. 691.

³ Ольденбург С. Ф. Востоковедение // Общественные науки СССР. 1917—1927. М., 1928. С. 309—340.

проект словника настоящего словаря. В основу его лег список примерно из 60 имен, известных Ф. Ф. Перченку (из «устной традиции»), два рукописных перечня (десяток три имен), составленных по памяти в Ленинградском отделении ИВ АН СССР после XX съезда партии, устное предание Московского ИВ, а также все, что удалось к этому добавить года за два поисков по книгам и доступным архивам. Составители знали и оговаривали условность списка, его открытость дополнениям и исправлениям, но сочли необходимым, при всем несовершенстве, тем не менее опубликовать его. Они спешили, пользуясь благоприятным моментом (ведь никто не знал, что будет дальше), назвать все запретные имена, заявить тему и впервые вывести ее на страницы востоковедных изданий.

Уже через два-три года ситуация, имея в виду возможность обнаружения данных о репрессиях, и впрямь изменилась к худшему. Сформировавшееся «общество потребления» быстро пресытилось правдой о советском прошлом. Тревожащие обывателя публикации о репрессиях уже не проходили на страницы газет и журналов⁴. Волна «разоблачительных» публикаций, скороспелых и эмоциональных, быстро сошла на нет. Но в то же время для серьезных исследователей открылись невиданные прежде возможности в связи с тем, что материалы спецхранения в архивах были влиты в общие фонды, постепенно более или менее доступными становились даже архивы ФСБ и МВД. Наступил период кропотливой работы — сбора сведений и их документирования⁵. На основе первоначального (опубликованного в НАА) списка проводилось выявление архивных материалов в российских государственных и ведомственных архивах — Архиве РАН, Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН, Государственном архиве Российской Федерации и др., в некоторых зарубежных архивохранилищах (New York Public Library и др.). Вся устная или восходящая к научной и справочной литературе информация об арестах проходила проверку по материалам архивов ФСБ и МВД. Однако официальные ответы пришли далеко не на все запросы. Поэтому в настоящий словарь мы решили поместить два списка: основной и дополнительный. В первый включены имена тех, о ком точно известно, что они были в заключении, даже если это пока не удалось подтвердить официально. В дополнительный список включены лица, сведения о которых предельно скудны и/или не дают нам полной уверенности в самом факте репрессирования.

Словарная статья об отдельном исследователе строится, по мере возможности, по следующему плану:

- 1) полное имя (со всеми вариантами);
- 2) годы жизни (если дата рождения фиксируется двумя годами — по старому и новому стилю, то они даются через косую черту);
- 3) научная специальность (как широкая, так и узкая), основные направления исследований;
- 4) научные звания, отражающие меру официального признания;
- 5) места работы (должность, учреждение, регион) в годы, предшествовавшие аресту, и в особенности непосредственно перед арестом;
- 6) точная дата и обстоятельства ареста;
- 7) время и место содержания в тюрьме в качестве подследственного;
- 8) дата и содержание приговора; кем вынесен, по какой статье уголовного кодекса; если приговор расстрельный — когда и где приведен в исполнение;
- 9) время и место освобождения;

⁴ В частности, после реорганизации журнала «Народы Азии и Африки» и переименования его в «Восток / Oriens» редколлегия утратила интерес к данной теме, и дополнения к списку, содержавшие сведения еще примерно о трехстах ученых, опубликовать уже не удалось.

⁵ Сейчас его сменил новый период, который можно назвать периодом «сбора урожая». Повсеместно на территории России публикуются составленные по материалам местных архивов региональные и республиканские «Книги Памяти», «Мартирологи», сборники воспоминаний и статей, посвященные жертвам репрессий. Составитель многолетнего «Ленинградского мартиролога» А. Я. Разумов недавно выступил инициатором проекта единой межрегиональной, в идеале — всероссийской электронной книги памяти «Возвращенные имена».

10) дата снятия судимости, амнистии, реабилитации; астериском (*) отмечено получение сведений из информационного центра МВД, Управлений ФСБ по Москве и Петербургу;

11) общая характеристика научной деятельности после освобождения;

12) избранная библиография трудов;

13) литература о данном востоковеде;

14) указание на архив — источник биографических сведений; здесь же отмечается наличие личного архивного фонда исследователя.

В тех случаях, когда пометка о получении сведений об аресте, приговоре и освобождении непосредственно из МВД и ФСБ отсутствует, эти данные приводятся по литературным источникам.

Составители словаря сознают, что проделанная на сегодня работа далека от полного завершения. Так, например, белыми пятнами остаются многие эпизоды социальной истории востоковедения в национальных республиках бывшего СССР. Надеемся, наши коллеги вскоре восполнят этот и другие недостатки данного издания⁶. Тем не менее мы полагаем, что введение в научный оборот новых и достаточно обоснованных биографических сведений поможет воссоздать истинную историю отечественного востоковедения XX в. Вслед за выдающимся русским историком А. С. Лаппо-Данилевским мы можем повторить: «Автор не льстит себя надеждой, что он достиг... вполне безупречных выводов, что он использовал весь материал и все методы, какие оказывались нужными, и что он дал то именно построение, которое всего более соответствует исторической действительности. Лишь сознание, что жизнь человека преходяща, что в отмеренное ему время он не может постигнуть истину во всей ее полноте и что беспристрастная наука исправит, конечно, его заблуждения и ошибки, а может быть, и признает некоторые из его выводов заслуживающими внимания, побудило автора приступить к печатанию настоящего труда»⁷.

Данные словаря позволяют сделать некоторые наблюдения, имеющие общее значение для истории репрессий в отношении научной интеллигенции в СССР. Отметим прежде всего наиболее очевидное: из сотен упомянутых в словаре репрессированных востоковедов едва ли наберется десяток-другой лиц, совершивших какие-нибудь реальные действия, направленные против государства или правящей партии (если, конечно, судить по общечеловеческим нормам). Абсолютное большинство «дел» было сфальсифицировано. По ряду статей (см., напр.: *Алькор, Бернер, Зусманович, Кокин, Новичев*) прослеживается специфическая мера, применявшаяся парторганами с очевидной целью подготовить непревзойденный по масштабу террор 1937 г.: в 1936-м (главным образом осенью) многие партийцы были исключены из ВКП(б) за «притупление / потерю классовой бдительности» (что прямо ставило их перед дилеммой: доносить — или самим стать жертвами террора). При работе над некоторыми статьями (*Алькор, Востриков, Невский, М. Н. Соколов* и др.) нам пришлось столкнуться с легендами о жизни ученого в лагере, противоречившими данным архивов ФСБ, в которых засвидетельствована гибель ученого в более ранний период, чаще всего — исполнение смертного приговора в момент его вынесения; по всей видимости, за этим прослеживается дезинформация, специально распространявшаяся репрессивными органами. Из некоторых биографических очерков можно вывести своего рода «рецепт выживания» в те годы. Попав в лагерь или ссылку в 1920-е — начале 1930-х гг. и отбыв небольшой срок, не следовало возвращаться в родной город (особенно в Москву или Ленинград) и на старое место работы, где ждал с максимальной вероятностью повторный арест. Выжили те, кто оседал в глухой провинции, а еще лучше — в одной из национальных республик, заняв предельно скромное место и ничем не привлекая к себе внимания (см. статья: *Гордеев, Дурново, Мецкерский, Семичов, Б. Л. Смирнов, Юренев* и др.). Мы, однако, не шли дальше подобного рода по-

⁶ В ближайшее время ожидается выход в свет подготовленного В. М. Алпатовым «Словаря репрессированных тюркологов».

⁷ Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры. XVII—XVIII вв. М., 1990. С. 24.

путно являвшихся в процессе нашей работы наблюдений. Не сомневаемся, что подлинно глубокие, статистически обоснованные обобщения и серьезнейшие заключения будут сделаны на основании предлагаемого материала читателями, которые специально поставят перед собой исследовательские задачи.

Приносим самую искреннюю благодарность всем тем, без чьей помощи и консультаций это издание никогда бы не могло состояться:

прежде всего и особо — ближайшим коллегам, историкам отечественной науки, которые на протяжении многих лет щедро делились с нами драгоценной информацией: В. М. Алпатову, А. И. Андрееву, М. В. Баньковской, П. Л. Вахтиной, И. И. Ломакиной, А. Л. Никитину, А. Я. Разумову, А. М. Решетову, Д. П. Урсу;

а также историкам и востоковедам: О. Ф. Акимушкину, В. В. Антонову, К. А. Антоновой, Б. С. Баимову, Е. Ю. Басаргиной, Е. Б. Белодубровскому, Н. Белому, А. Бреславу, О. В. Васильевой, А. А. Вигасину, С. Ю. Вradiю, В. А. Германову, В. Ю. Гессену, Н. В. Гурову, А. А. Долининой, А. М. Дубянскому, Н. А. Дулиной, Д. М. Елесину, Т. Я. Елизаренковой, В. Ю. Зуеву, А. А. Иванову, Н. В. Ивочкиной, А. М. Кабанову, А. Г. Каминской, З. К. Касьяненко, Х. А. Кинк, А. А. Киселевой, И. С. Ключкову, С. Г. Кляшторному, А. В. Кобаку, Б. И. Козлову, Л. Р. Концевичу, Ю. Л. Кролю, А. М. Куликовой, К. И. Куликову, И. В. Кульганек, Е. И. Кычанову, В. А. Лившицу, Н. Ю. Ломоури, Б. В. Лунину, Л. Н. Меньшикову, Е. Н. Мещерской, С. Д. Милибанд, Л. В. Митрохину, Ю. Д. Михайловой, В. М. Монтглевичу, Л. В. Негря, Т. Л. Никольской, Е. Д. Огневой, В. Б. Пастернаку, Н. А. Петровой, Ю. А. Петросяну, М. Б. Пиотровскому, Н. Д. Платонову, В. М. Платонову, Вал. В. Полосину, Е. Д. Прищеру, Н. Д. Путинцевой, И. А. Резниковой, А. Б. Рогинскому, О. Е. Рубинчик, А. Садыховой, Т. А. Снегиревой, Б. Я. Ставискому, И. М. Стеблин-Каменскому, Т. И. Султанову, Г. Г. Суперфину, Ч. Э. Сымановичу, А. О. Тамазишвили, Э. Н. Тёмкину, Т. В. Тигонен, В. Л. Успенскому, А. А. Формозову, Е. А. Хамагановой, В. А. Харитонову, А. Л. Хосроеву, Т. А. Шумовскому, А. Р. Эмирову, К. Н. Юзбашяну, Т. И. Юсупову, С. М. Якерсону, К. С. Яхонтову, Н. С. Яхонтовой;

покойным: О. Д. Берлеву, В. Н. Горегляду, Л. Т. Гюзальяну, Е. Г. Дагину, А. И. Добкину, И. М. Дьяконову, Г. А. Зографу, И. И. Иоришу, В. В. Иофе, Н. К. Качаловой, Б. Б. Пиотровскому, Э. К. Сагидовой, Т. В. Станюкович, К. Б. Старковой, И. Э. Циперович, М. С. Цын, Л. И. Чугуевскому;

родственникам репрессированных: Ф. А. Алявдину, Д. С. Балдаеву, Г. В. Бернеру, Е. А. и Г. А. Бурдуковым, К. П. Воробьевой, Г. А. Генко, А. М. Годес, Ю. В. Колпаковой, М. И. Лебедевой, Е. Н. Невской, Н. Я. Рассказовой, Т. Б. Ручьёвой, Н. П. Преображенской, Е. О. Пудовкиной, М. А. Рогинскому, М. П. Скачковой, А. М. Сотниковой, П. А. Самойловичу, М. О. Фесенко;

зарубежным ученым: Х. Ахонену (Таллинн, Эстония), А. Бейнориусу (Вильнюс, Литва), Г. ван Дриму (Амстердам, Голландия), Икко Фудзии (Япония), Клаусу Карттунену (Хельсинки, Финляндия), Харша Раму (Нью-Йорк, США), Дан Харуву (Иерусалим, Израиль);

сотрудникам УФСК / УФСБ РФ по СПб. и области, готовившим материалы по запросам: С. К. Берневу, В. С. Гусеву;

а также: М. И. Зельцер, Х. Ю. Миннегулову, В. Я. Усвят;

историко-просветительскому, правозащитному и благотворительному обществу «Мемориал», оказавшему большую помощь в получении сведений, а также опубликовавшему предварительный словник словаря на своем сайте в Интернете. Мы особо признательны Я. З. Рачинскому, предоставившему для публикации несколько десятков фотографий из собрания московского «Мемориала».

Значительная часть работы была подготовлена при финансовой поддержке гранта Международного научного фонда № ZZ 4000/282 (1994—1995 гг.). Настоящее издание осуществляется на средства, выделенные Российским гуманитарным научным фондом по гранту № 01-03-16062д.